

Научная статья
УДК 314.743

Устинов Олег Александрович

доктор философских наук
независимый исследователь
Сергиев Посад Московской области, Россия
olustinov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2994-2339

В ПОИСКАХ РАЯ. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ИНДИИ В 20–40-е гг. XX в.

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции Русского мира в Индии в 1920–1940-е гг. как уникального социокультурного феномена с применением просопографического и аксиологического методов исследования. В настоящее время восточная ветвь российской эмиграции, и прежде всего история русской диаспоры в Китае, активно изучается. Но жизнь и судьба бывших подданных Российской империи, поселившихся в Индии, за исключением избранных «микроисторий», остается неизвестной. Опираясь на ряд мемуарных источников и документы из Национального архива Индии, автор показывает и анализирует особенности формирования и эволюции русской диаспоры в Британской Индии, а также ее географическую локализацию, численность, социальный состав, профессиональную и досуговую деятельность с акцентом на механизмы адаптации и интеграции эмигрантов первой волны в инокультурной среде. Отдельное внимание уделяется истории ментальных образов «страны чудес» в русской литературе и философии дореволюционного периода и их реинтерпретации в сознании русских беженцев. Если одни относились к Индии как к чуждому и чрезвычайно сложному месту своего вынужденного пребывания, то другие воспринимали Индию как вторую, духовную родину, оказавшись в которой они постигли тайну своей самости. Делается вывод о том, что усилиями отдельных представителей русской диаспоры в Индии (семья Рерихов, Индра Деви, М. М. Нахман) была выполнена огромная работа по культурному сближению двух стран,

заложившая основы для укрепления русско-индийской дружбы и продвижения индийской культуры в СССР и РФ в последующие годы.

Ключевые слова: русская эмиграция, диаспора, Индия, Н. К. Рерих, английский колониализм, национально-освободительное движение.

Благодарности: автор выражает благодарность Аджаю Камалакарану (Мумбаи, Индия) за помощь в поиске документов из коллекции оцифрованных публичных записей Национального архива Индии.

Для цитирования: Устинов О. А. В поисках рая. Русская эмиграция в Индии в 20–40-е гг. XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 3 (55). С. 75–89.

Original article

UDC 314.743

Ustinov Oleg A.

Doctor of Philosophical Sciences

Independent Researcher

Sergiev Posad, Moscow region, Russia

olustinov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2994-2339

IN SEARCH OF PARADISE. RUSSIAN EMIGRATION IN INDIA IN THE 20–40s OF THE XX CENTURY

Abstract. The article attempts to reconstruct the “Russian World” in India in the 1920–1940s as a unique socio-cultural phenomenon using prosopographical and axiological methods of research. Currently, the eastern branch of Russian emigration, and above all the history of the Russian diaspora in China, is being actively studied. But the life and fate of former subjects of the Russian Empire who settled in India, save for a few case studies, remains unknown. Based on a number of memoir sources and documents from the National Archives of India, the author shows and analyzes the peculiarities of the formation and evolution of the Russian diaspora in British India, as well as its geographical localization, population, social composition, professional and leisure activities with a focus on the mechanisms of adaptation and integration of emigrants of the first wave in a foreign cultural environment. Special attention is paid to the history of mental representations of “Wonderland” in Russian literature and philosophy of the pre-revolutionary period and their reinterpretation in the minds of Russian refugees. While some perceived India as an alien and extremely difficult place where they were forced to stay, others perceived India as a second, spiritual homeland, where they unlocked the secret of their own essence.

The article concludes that through their efforts, individual representatives of the Russian diaspora in India (the Roerich family, Indra Devi, M. M. Nachman), brought a significant contribution to the cultural rapprochement of the two countries, which laid the foundations

for strengthening Russian-Indian friendship and promoting Indian culture in the USSR and the Russian Federation in subsequent years.

Keywords: Russian emigration, diaspora, India, N. K. Roerich, English colonialism, national liberation movement.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to Ajay Kamalakaran (Mumbai, India) for his help in finding documents from the collection of digitized public records of the National Archives of India.

For citation: Ustinov O. A. In search of paradise. Russian emigration in India in the 20–40s of the XX century // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 3 (55). P. 75–89.

Введение. Первые известия об Индии появились в России в X в. и не позднее XIV в. трансформировались в романтико-метафизические представления о стране, которая граничит на земле с Раем. В переводных и оригинальных сочинениях того времени («Слово о рахманах», «Сказание об Индийском царстве») главной особенностью этой воображаемой Индии называлась особая духовность населявшего ее народа, в которой угадывалось некое идеальное христианство.

В дальнейшем разговор о космологическом и антропологическом статусе Индии с характерной для него «жаждой Рая» стал устойчивым сюжетом русской культуры, получившим наибольшее развитие в конце XIX – начале XX в., когда Европу и Россию захлестнула волна мистической «индомании», связанной с деятельностью Международного теософического общества. Увлечению Индией отдали дань многие поэты, писатели и художники Серебряного века: «...свет мой, Индия, святыня...» (К. Д. Бальмонт); «Когда же... буду снова я, — простой индеец» (Н. С. Гумилев); «Цветет, как душа, адамантовый бор, — дорога к нему с Соловков на Тибет...» (Н. А. Клюев). О себе как о сторонниках синтеза духовных традиций Индии и России заявили Н. К. и Е. И. Рерихи («Индия — не чужбина, а родная сестра России») и начали изучение памятников религиозно-философской мысли Индии. С 1905 г. Н. К. Рерих начал создавать картины на индийские сюжеты, а в 1908–1914 гг. расписал храм Святого Духа в Талашкине, где Богородица была представлена в образе индийской богини Кали. Н. К. и Е. И. Рерихи обдумывали план путешествия в Гималаи для установления контакта с махатмами из инобытийного «Белого братства».

Сокровенное желание однажды увидеть в Индии «не чужбину, а родную сестру» России разделяли с Рерихами самые разные люди, такие как писатель В. В. Иванов, намеривавшийся дойти до Индии пешком, художница М. М. Нахман и актриса Е. В. Лабунская-Петерсон, влюбившиеся в книги о йогах. Порой «индомания» перерастала в «индобезумие». А. Н. Скрябин сочинял *Mysterium Magnum* — симфонию, исполнение которой в храме в Гималаях должно было вызвать дематериализацию мира.

Тогда же впервые были предприняты шаги по реальному сближению России и Индии, находившейся под властью Британии. В 1900 г. в Бомбее открылось Российское императорское генеральное консульство. В 1915 г. в Санкт-Петербурге состоялось освящение буддийского храма, изваяние Будды для которого было подарено королем Сиама Рамой VI. А с 1914 по 1918 г. на Цейлоне и в Индии работала русская этнографическая экспедиция. К этому времени в Индии уже побывали члены дома Романовых, а также деятели культуры и науки. Более 20 лет провел в Индии бактериолог В. А. Хавкин, организовавший вакцинацию местного населения от чумы и холеры и создавший в Бомбее бактериологический центр.

Революция 1917 г. вызвала массовый исход из России представителей состоятельных социальных групп. Большинство из них отправилось европейским маршрутом. Но многие поехали на восток и осели в Китае (около полу-миллиона беженцев; больше было только в Германии), где значительная часть эмигрантов сосредоточилась в Харбине. Через несколько лет русская диаспора там насчитывала 150–200 тыс. человек при общей численности населения города в 310 тыс. человек.

Некоторые из русских беженцев решились поехать еще дальше — в Индию, за которой закрепился образ Рая. Кроме того, колониальная Индия считалась зоной действия европейского права и в этом отношении Китай, сотрясаемый конфликтами, мог восприниматься как более опасное место: «[Мы приехали в Индию], чтобы быть под защитой законов его величества короля Англии»¹.

Однако всех путников, желавших оказаться в «далекой и загадочной земле», ждало разочарование. Несмотря на то что Англия была союзницей России в годы Первой мировой войны, а затем помогала «белым правительствам» в борьбе с большевиками, правительство вице-короля отказалось выдать визы выходцам из России вообще, а военнослужащим в особенности. Так, в 1921 г. на границе был задержан и интернирован отряд белогвардейцев, служивших на Памире и добравшихся до Индии через Афганистан². Исключения делались только для офицеров, находившихся в составе английских войск, как, например, коменданта Баку С. Ф. Кириченко, который был принят инженером на фабрику в Коимбатуре, а затем приобрел ферму рядом с Бангалором³.

В остальных случаях имел место нелегальный переход границы. Так, на свой страх и риск, без документов отправились поездом в Португальскую Индию, где местные власти выделяли колонистам земельные наделы, офицеры Персидской казачьей дивизии — полковник В. А. Хабаров и кубанец В. Ф. Жуков. Удачно миновав заслоны, они добрались до Гоа и дождались приезда туда своих семей⁴.

¹ *Архимандрит Андроник (Елтидинский)*. Восемнадцать лет в Индии. М., 2012. С. 151.

² *Хабаров В. А.* Завоевание Индии. Белград, 1930. С. 12.

³ *Архимандрит Андроник (Елтидинский)*. Указ. соч. С. 25.

⁴ *Хабаров В. А.* Указ. соч. С. 8–11.

Всего в Британскую Индию удалось попасть нескольким десяткам белых офицеров, среди которых были казаки Н. С. Юрьев и Т. Т. Решетняк, подполковник 13-го драгунского полка Н. Н. Вайнер, поручик 11-го уланского Чугуевского полка В. Говоров, полковники В. Н. Савицкий и Л. И. Сулин, есаул Семиреченского казачьего войска Н. Н. Янцын, вдова капитана 2-го Туркестанского стрелкового полка Ю. В. Ярцева и др. Их имена можно найти в базах данных Русской армии в изгнании, составленных С. В. Волковым⁵.

Отказ принимать русских беженцев объяснялся болезненной реакцией Англии на стремление России расширить свое влияние в Азии, доказательством чего были секретные планы о военном походе в Индию, разрабатывавшиеся в Главном штабе Русской армии до 1914 г. Большая игра продолжилась и после падения монархии, когда большевики заявили о необходимости уничтожения «позорной колониальной системы» и также стали обдумывать идею о военном походе в Индию, о чем в Политбюро ЦК РКП (б) была подана записка за подписью Л. Д. Троцкого.

Русская революция вызвала в Индии воодушевление. Национально-освободительное движение, руководимое харизматичным лидером М. К. Ганди, было поддержано индийскими интеллектуалами и превратилось в угрозу британскому «цивилизованному порядку». Английская разведка рассматривала каждого мигранта из России как потенциального агента влияния.

Однако въезд в Индию не был запрещен для всех бывших подданных русского царя. Ограничения не распространялись на русских жен английских офицеров, которые считались английскими леди⁶. В Индии с давних времен продолжали жить армяне, владевшие ресторанами и молившиеся в собственных храмах⁷. В середине 1920-х гг. в Индии образовалась литовская диаспора. В Тамилнаде была построена «Божья деревня», которую патронировала протестантский миссионер А. К. Ирбе, вдова русского полковника Калитаева. Их сын был воспитан в православии⁸.

Постепенно маленькими ручейками по тем или иным дорогам проникали в Индию русские беженцы, приезжавшие из Китая. Всех въезжающих обыскивали на таможне. Действовал запрет на хранение огнестрельного и холодного оружия. Каждый должен был сообщать личную информацию. Эмигранты, вызывавшие подозрения, ставились на учет в полиции. Въездные визы получали артисты из Европы. Не чинились препятствия и туристам, приезжавшим полюбоваться древними храмами.

Таким образом в 1920-е гг. в Британской Индии образовалась русская диаспора, просуществовавшая до провозглашения независимости Индии в конце 1940-х гг. В настоящее время восточная ветвь российской эмиграции активно

⁵ См. напр.: *Волков С. В.* Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. М., 2004.

⁶ *Елисеев Ф. И.* На коне по белу свету: в 3 брошюрах. Брошюра 3. New York, 1966. С. 13–14, 19.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ *Архимандрит Андроник (Елтидинский)*. Указ. соч. С. 293–294.

изучается. Исследователи приходят к выводу, что Восток не менее важен для понимания русской культуры рассеяния, чем Запад. Но «русская Индия» остается неизвестной. В последние годы освещались лишь некоторые «микроистории» оказавшихся здесь русских беженцев.

Возможно, данное обстоятельство объясняется скудостью источников, но даже те из них, которые доступны (мемуары, письма), позволяют изучить «коллективную биографию», социальный состав, численность и повседневную жизнь русской диаспоры. В распоряжении историков имеются и документы из Национального архива Индии⁹, наиболее репрезентативным из которых является отчет полиции за 1941 г. с указанием имен, мест проживания и рода занятий «русских индийцев».

Целью данной статьи является попытка историко-аналитической реконструкции Русского мира в Индии как уникального социокультурного феномена с применением просопографического и аксиологического методов исследования.

Ход и результаты исследования. Русская диаспора в Индии никогда не была большой (ее общая численность в разные годы варьировалась от 200 до 500 человек) и не могла идти в сравнение не только с русской диаспорой в Китае, но и с гораздо менее заметными русскими диаспорами в Азии, например с русской диаспорой на Филиппинских островах, которая имела и руководителя — контр-адмирала В. В. Ковалевского, и храм, и клуб — кают-компанию морских офицеров.

Русские беженцы в Индии проживали компактно только в Калькутте и Бомбее. Они не имели своих национальных союзов, не издавали газет, не могли молиться ни в старых храмах (за их отсутствием), ни в новых (по причине невозможности их строительства).

В 1930-е гг. было предпринято несколько попыток создания азиатской православной церкви путем объединения православных христиан в Китае с индийскими христианами — «христианами святого Фомы». Миссионерские визиты в Индию совершили епископ Хайларский, викарий Харбинской епархии Дмитрий (Вознесенский), архиепископ Камчатский Нестор (Анисимов) и архимандрит Нафанаил (Львов). Но достичь продвижения в диалоге с индийскими христианами им не удалось.

В Калькутте православная община возникла вокруг семьи Хорьковых, которая молилась в греческой церкви. Восемнадцать лет, с 1931 по 1949 г., в Индии провел архимандрит Андроник (Елпидинский), построивший «скиток» на горе недалеко от Траванкора и ставший духовным отцом русских беженцев. Позднее к нему ненадолго присоединился афонский схимонах Константин (Гештовт).

Архимандрит Андроник предпринял попытку организовать русскую диаспору и обратился за помощью к великой княгине Марии Павловне, которая

⁹ National Archives of India: сайт. URL: <https://nationalarchives.nic.in/> (дата обращения: 30.09.2024).

в 1936 г. посетила Индию. Княгиня не отреагировала на предложение. Других кандидатур на роль статусного лидера не было, и дело с мертвой точки так и не сдвинулось¹⁰.

В середине – конце 1930-х гг. усилился поток русских беженцев из Китая. В Калькутте возникла община «шанхайских русских». Кто-то ехал к родственникам, кто-то имел приглашение на работу, кому-то выпал счастливый случай. Так, Шанхай на Цейлон «поменял» художник А. Д. Софронов, устроившийся декоратором в английском отеле в Коломбо.

Усилиями русских беженцев были открыты в Бомбее пансионаты казачки Ковалевой¹¹, Смеловой, парикмахерская Т. Стивенсон в отеле «Тадж Махал»¹² и цирк (директор — Ф. Я. Исако¹³), который демонстрировал публике чудеса джигитовки и передвигался по всей стране на поезде.

В Калькутте по инициативе артиста балета Б. Н. Лисаневича был открыт респектабельный «Клуб-300», в число учредителей которого вошли раджи и магараджи. «Клуб-300» задумывался как место встреч представителей английской и индийской элиты, включая женщин. Б. Н. Лисаневич пользовался авторитетом в высшем обществе и позднее активно участвовал в культурной жизни Непала¹⁴. Светская жизнь русских в Калькутте проходила между посещениями общины Хорьковых и «Клуба-300».

Мы можем реконструировать социальный портрет русской диаспоры на основе отчета полиции за 1941 г. Все «русские индийцы» были бывшими подданными Российской империи разных национальностей и вероисповеданий родом из Украины, Центральной России, Сибири, Кавказа, Средней Азии.

Кроме Калькутты и Бомбея, они проживали в Бандре, Ориссе, Коимбатуре, Нилгирисе, Кочине, Тривандруме, Бангалоре, Дели, Хайдарабаде и Кветте и работали в производственной и сервисной сферах (инженеры, механики, водители, плотники, сапожники, кузнец, точильщик ножей, фотограф, массажист, хирург-стоматолог, продавец мороженого, привратник, смотритель зоопарка и др.). Были среди них и представители творческих профессий — художники, музыканты, артисты. Так, уроженец Одессы М. Таиров и его друг В. Яшин играли в оркестре англо-индийского саксофониста К. Мака.

С точки зрения психологического состояния повседневная жизнь «русских индийцев» мало отличалась от жизни их собратьев по несчастью в других странах. Они также испытывали ностальгию по родине, также пытались сохранить русскую идентичность и особенности русского быта, постепенно перенимая некоторые индийские привычки в одежде и, в меньшей степени, в еде.

К 1940 г. подросли и представители второго поколения. Девятнадцатилетняя В. Решетняк родилась в Панджиме и воспитывалась в монастыре Святой

¹⁰ *Архимандрит Андроник (Елтидинский)*. Указ. соч. С. 316.

¹¹ *Елисеев Ф. И.* На коне по белу свету. Брошюра 3. С. 27.

¹² *Архимандрит Андроник (Елтидинский)*. Указ. соч. С. 313.

¹³ *Елисеев Ф. И.* На коне по белу свету: в 3 брошюрах. Брошюра 2. New York, 1965. С. 16.

¹⁴ *Peissel M.* Tiger for breakfast: the story of Boris of Kathmandu. New York, 1966. P. 115–161.

Марии в Бандре, а девятнадцатилетний С. Минц поступил в инженерный колледж в Пуне.

Просьбы о принятии русских беженцев в английское подданство за редким исключением отклонялись. Особую категорию составляли русские жены индийцев, русские мужья индианок и дети, рожденные в русско-индийских семьях (самый известный пример — С. Паранджпье, дочь художника Ю. Слепцова и писательницы Ш. Паранджпье).

С началом Второй мировой войны в Индию устремились русские беженцы из Персии, Китая, Малайского архипелага и даже, как сообщает архимандрит Андроник, советские крестьяне из Сибири, часто погибавшие при переходе через Памир. Группу из ста человек англичане задержали на границе и вернули в СССР. Сумевшие проникнуть в Индию 50 крестьян уехали в Латинскую Америку¹⁵.

Не был снят и надзор за русской диаспорой, в которую был внедрен тайный агент. Колониальные власти опасались, что русские беженцы выступят на стороне фашистской Германии и станут пятой колонной. Подозревались даже русские жены англичан¹⁶.

Русские были и остались в Британской Индии незваными гостями, которых терпели и рады были спровадить, как только представится случай. Репатриировать или интернировать их на законных основаниях было трудно по причине отсутствия у них гражданства.

Русская диаспора в Индии не была стабильной. В поэзии Серебряного века Индия изображалась как Рай. Но для большинства русских беженцев Индия с ее агрессивной природной средой, религиозными и кастовыми традициями оказалась едва ли не адом. Многие проезжали Индию транзитом. Некоторые оставались, искали работу, пытались открыть свое дело, но не выдерживали испытаний и отправлялись искать счастье в других местах — в Японии, Индонезии, Австралии или в Европе и в США. Удачно обустроились в Индии единицы, но и они не питали относительно своих перспектив иллюзий: «Индия очень плохая страна»¹⁷. Типична в этом отношении история семьи Хабаровых, поселившихся в Гоа¹⁸. Арендовав землю, они занялись сельскохозяйственными опытами и вкусили прелести жизни в джунглях (купание в реке с крокодилами, встречи с пантерами, змеи в доме и на участке, уничтожение посевов животными и насекомыми). Отзывы В. А. Хабарова о местном населении были негативными — воры и лентяи. Таким же было отношение к индийцам-рабочим и у других русских колонистов, предупреждавших друг друга о подводных камнях «туземного быта»¹⁹. Не менее резко смотрел В. А. Хабаров и на местные власти,

¹⁵ *Архимандрит Андроник (Елтидинский)*. Указ соч. С. 307–308.

¹⁶ Secret Report Registration Regarding Stateless White Russians In India. Department Home Political. 1941. URL: <https://www.abhilekh-patal.in/jspui/handle/123456789/2714239> (дата обращения: 23.01.2024).

¹⁷ *Архимандрит Андроник (Елтидинский)*. Указ соч. С. 13.

¹⁸ См.: *Хабаров В. А.* Указ. соч.

¹⁹ *Архимандрит Андроник (Елтидинский)*. Указ. соч. С. 26, 283, 284.

не раз убедившись в том, что коррупция носит в Индии тотальный характер. Однако, несмотря на все сложности, Хабаровым удалось не только вырастить урожай в благоприятные годы (лучший сахар на рынке), но и внедрить в продажу капусту, картофель, морковь и помидоры. Добросовестный и честный труд русских колонистов был замечен газетчиками, сообщившими о Хабаровых как о жителях Гоа, пример которых достоин подражания.

Расставание с иллюзиями о «сказочной и богатой Индии» пережил и Ф. И. Елисеев, казак и цирковой артист из группы А. Г. Шкуро, приехавший в Индию по приглашению русского цирка. Ожидание ярких впечатлений от пребывания в «стране чудес» быстро сменилось у него резким отторжением чужой культуры²⁰. Среди недостатков жизни в Индии Ф. И. Елисеев называл жару, пренебрегая которой казаки ходили в черных черкесках, чем вызывали восхищение у индийцев (бытовала легенда о русских казаках, которые освободят Индию); избыточную плотность населения, когда на улице невозможно отклониться от физически неприятного контакта; разнузданное поведение обезьян и повсеместное присутствие коров, почитаемых как священные животные; а также произвол, нищету и болезни.

Религиозные традиции индийцев Ф. И. Елисеев комментировал с откровенным неприятием: они казались ему профанацией сакрального. Индуистский храм Кали — Богини Мести — с его жертвоприношениями вызвал оторопь; буддийская пагода показалась пустой и холодной. Жалуясь на отсутствие бытовых удобств, Елисеев предпочитал жить в английских гостиницах, благо все города были поделены на две части — английскую и индийскую, и посещал только присутственные места для англичан.

Характеризуя индийцев, Ф. И. Елисеев указывал на такие их черты, как доброта, послушание, жертвенность, но также примитивность и невежество. Не видевший в индусах готовности к самостоятельной жизни без надзора англичан, Ф. И. Елисеев обратил внимание на то, что охране магараджи Колхапура запрещено иметь огнестрельное оружие; с иронией отнесся к моде на одежду а-ля Ганди, а после завершения гастролей уехал во французский Вьетнам.

Негативные отзывы об Индии принадлежали русским беженцам, которые оказались здесь вынужденно и чувствовали себя заложниками ситуации. Они не понимали и не стремились понять обычаи и культуру «варварского» народа.

Совсем другую Индию мы находим в рассказах русских беженцев, которые, напротив, хорошо знали историю и культуру Индии и понимали, что Индия является «родиной величайших Гигантов Духа» (Е. И. Рерих), с которой ни одна страна мира не может сравниться по силе, глубине и красоте религиозно-философской мысли. Многие из них верили, что в прошлых жизнях они уже жили в Индии, а теперь возвращались домой в очередном воплощении. Их главным экзистенциальным стремлением была не столько личная и творческая реализация в индийском обществе, сколько реализация в индийском

²⁰ Елисеев Ф. И. На коне по белу свету. Брошюра 3. С. 15, 17.

метафизическом пространстве — приобщение к «вечной Индии». К Индии как таковой они относились без идеализации, прекрасно сознавая несовершенство ее реалий: «В Индии много красоты... Для художника — целый клад. Свет и тени, краски, типы... Но просто для человека тут много печального. Просто нравиться... Индия не может. Но можно ее любить — большой и печальной любовью»²¹. Самыми известными представителями этой части русской диаспоры были Рерихи. Они несколько раз посещали Индию, организовали экспедицию по Центральной Азии (1923–1928) и основали Институт Гималайских исследований «Урусвати» (1928), продолжив традицию русской науки по изучению Индии, а с 1935 г. поселились в долине Кулу в Наггаре. Убежденные в том, что Россия и Индия являются странами-сестрами, на которых возложена миссия духовного совершенствования человечества, Рерихи принялись за разработку синкретической религиозно-философской доктрины — агни-йоги. Е. И. Рерих записывала истины нового учения, «телепатически общаясь» с махатмами из «Белого братства». При этом первостепенное значение для Рерихов имела именно Россия, которая должна была пойти вслед за Индией в постижении духовных сокровищ Востока и превратиться в Державу Света.

Рерихи были приняты в круг индийской аристократии благодаря их близкому общению с Дж. Неру и Р. Тагором, а также женитьбе С. Н. Рериха на племяннице Р. Тагора, актрисе Д. Рани. Н. К. Рерих организовывал выставки в разных городах Индии и продавал картины магараджам (известно, например, о приобретении его картин Асафом Джахом VII, низамом Хайдарабада).

Н. К. Рерих выступал с инициативой объединения всех сил русского зарубежья в Юго-Восточной Азии, но пытался установить контакты с русскими колониями в Японии и в Китае. Он встречался с духовенством, руководителями и членами казачьих союзов, духовенством и интеллигенцией Харбина и Шанхая, стал патроном Сергиевых содружеств и даже пожертвовал Русскому общевойсковому союзу (РОВС) деньги на покупку газеты «Русское слово», в которую рекомендовал своих сотрудников²².

Но интереса к русской диаспоре в Индии Н. К. Рерих не проявлял, по-видимому, оценивая ее как аморфное и бесполезное для решения его задач образование. Нет свидетельств, что он помогал кому-нибудь из русских беженцев в Индии или имел с ними длительные отношения, хотя и ответил на три письма архимандрита Андроника. В Индии рядом с Рерихами находилось несколько их соотечественников: полковник Н. В. Кардашевский, К. К. Лозина-Лозинский, В. А. Шibaев, сестры Богдановы, А. Ф. Яловенко. Большую часть гостей «рериховского ашрама» составляли англичане и американцы. О царившей там религиозно-мистической атмосфере можно составить представление по дневникам и воспоминаниям Э. Лихтман.

²¹ Цмыкал О. Е. Художественный мир Лариссы Андерсен: дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2021. С. 57.

²² См.: Росов В. А. Николай Рерих. Вестник Звенигорода: экспедиции Н. К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. 2: Новая страна. М., 2004. С. 51–84.

Колониальная администрация воспринимала Н. К. Рериха как политика, преследующего какие-то туманные цели, и в 1930–1931 гг. запретила ему и его сыну Ю. Н. Рериху, возвращавшимся из США, въезд в Индию. Документы были подписаны только после специального разбирательства, после чего наблюдение за странными русскими, обосновавшимися на севере Индии, было продолжено.

Очень быстро «обындусилась» и Е. В. Лабунская-Петерсон. Переехав в «страну чудес» из Германии в 1927–1929 гг., она совершила турне по крупным городам и завязала множество контактов с представителями британской и индийской аристократии, в том числе с М. К. Ганди, Р. Тагором и Дж. Неру, с которым ее связывала «влюбленная дружба». Е. В. Лабунская-Петерсон могла сделать в Бомбее кинематографическую карьеру (в 1930 г. она сыграла главную роль в фильме «Арабский рыцарь» вместе с П. Капуром), взяв сценический псевдоним Индра Деви. Но, следуя внутреннему зову, Е. В. Лабунская-Петерсон увлеклась йогой и, заручившись протекцией магараджи Майсура, добилась позволения стать ученицей знаменитого йогоина Т. Кришнамаচারьи²³.

Изучив за год основы йоги и получив от учителя благословение проповедовать ее в других странах, Е. В. Лабунская-Петерсон перебралась в Шанхай, где организовала свою школу йоги. В 1947 г. она уехала в США и, оформив паспорт на имя Индры Деви, открыла школу йоги в Голливуде, где преподавала «науку гармонии» кинозвездам (Г. Гарбо, Г. Свенсон, Э. Арден и др.), опубликовала несколько книг с простым описанием основных асан, обращаясь в первую очередь к женской аудитории («нежная йога для слабого пола»). На фоне начавшегося в США и в Европе бума здорового образа жизни и всплеска идей «нью-эйдж» книги Индры Деви имели успех, она превратилась в медийную персону, но жить и работать предпочла сначала в Мексике, а потом в Аргентине.

В газетных публикациях встречается утверждение, что Запад познакомился с йогой благодаря русской женщине-эмигрантке, «поставившей мир на голову». В реальности Индра Деви не была ни единственной женщиной в школе Т. Кришнамаচারьи (он учил женщин-индианок), ни самой известной из его учениц (зять и последователь Т. Кришнамаচারьи Б. К. С. Айенгар почти не помнил «европейскую леди»), ни единственной провозвестницей «индийской гимнастики» в США. Но Индра Деви стала одной из первых йогоинь Запада, и предложенная ею методика преподавания йоги оказалась чрезвычайно удачной. Имя Индры Деви по праву называется сегодня наравне с именами других пионеров адаптированной йоги.

До конца жизни Индия оставалась для Индры Деви духовной родиной, где она пережила второе рождение и нашла подлинное призвание. Много раз она возвращалась на берега Ганга (24 поездки только с 1966 по 1977 г.) и удостоилась от индийцев обращения «матаджи», звучавшее в их устах и как признание ее мудрости, и как признание ее заслуг перед страной. Немало сделала Индра

²³ См.: *Goldberg M. The goddess pose: the audacious life of Indra Devi, the woman who helped bring yoga to the West. New York, 2015.*

Деви и для узнаваемости на Западе нового духовного гуру Сатьи Саи Бабы, почитаемого в Индии в качестве Божьего аватара.

М. М. Нахман снискала славу «великой маленькой леди Бомбея»²⁴. Еще будучи молодой художницей, она познакомилась в послереволюционной Москве с индийским анархистом М. Ачарией. В 1922 г. они эмигрировали в Германию: М. Ачария не принял курс ВКП (б) на построение авторитарно-диктаторского государства, — а после прихода к власти в Германии фашистов, нетерпимых к евреям и косо смотревших на индийских «экстремистов», в 1935–1936 гг. вернулись в Индию. М. М. Нахман и ее мужу удалось получить разрешающие документы. Англичане «простили» М. Ачарию, приняв во внимание его пацифистские взгляды.

В Индии супруги поселились в Бомбее, где М. М. Нахман привлекла к себе внимание молодых художников, для которых стала доброй наставницей. Она научила их технике рисунка, которой сама научилась у Л. С. Бакста. Услышав о «маленькой леди Бомбея», Н. К. Рерих заподозрил ее в самозванстве, полагая, что у Л. С. Бакста учеников не было. Но это ревнивое замечание мэтра лишь подтверждало появление в Индии новой яркой фигуры из России.

М. М. Нахман участвовала в выставках Бомбейского художественного общества (премия 1940 г. за картину «Красная шаль»), хотя ей и приходилось сталкиваться с препонами со стороны европейского сообщества Бомбея из-за того, что она была женой индийца. Конкурсная комиссия международной выставки в Лондоне отвергла ее работы. Но это не помешало картинам М. М. Нахман украсить стены индийских посольств и частных собраний.

Почти все любившие Индию русские беженцы сочувствовали борьбе индийцев с колониальным гнетом, а также с кастовыми предрассудками, бесправием женщин, нищетой и антисанитарией. Высоко оценивали личность и дарования М. К. Ганди Н. К. Рерих, Индра Деви, архимандрит Андроник. Верила в освобождение Индии и М. М. Нахман, изображавшая индийцев на своих картинах людьми с возвышенной и нежной душой. В галерее ее работ есть «Портрет молодого человека» (1945) «гандийского» типа: стройный темнокожий юноша со спокойным, сосредоточенным взглядом и сложенными крест-накрест руками.

К концу 1940-х гг. политические процессы в Индии достигли пика развития. Британское правительство приняло решение о предоставлении Индии независимости, которое сопровождалось кровавыми столкновениями уже между индийцами. Конфликты затронули и русских беженцев. Разъяренная толпа намеревалась сжечь усадьбу Рерихов, где в этот момент умирал Н. К. Рерих. Ю. Н. Рерих вышел к ним и попросил разойтись, так как «профессор Рерих — великий друг Индии». Слова подействовали²⁵. Страшные события разворачивались в Дели. Но никто

²⁴ Бернштейн Л. Магда Нахман. Художник в изгнании. СПб., 2020. С. 265–291.

²⁵ Велико-Мухина Е. М., Дроздова-Черноволенко М. Ф. Воспоминания о Ю. Н. Рерихе. М., 2002. С. 74–75.

из сотрудников Русского отдела не пострадал. В 1948 г. был убит М. К. Ганди. Дели, опустевший в часы прощания с духовным лидером нации, навсегда запечатлелся в памяти архимандрита Андроника. Правительство Индии во главе с Дж. Неру демонстрировало симпатию к идеям социализма. Дипломатические отношения между СССР и Индией были установлены в апреле 1947 г., на три года раньше провозглашения Индии независимой республикой.

Именно в этот период старая русская диаспора в Индии перестала существовать. В среде русских беженцев возникли опасения о том, что их судьба будет незавидной в обществе индийцев без англичан или, что еще хуже, сами англичане выдадут их советским властям. В 1945 г. широко обсуждалась «казачья трагедия» в Лиенце. Эмигранты уезжали из Индии на Запад. Ю. Н. Рерих и сестры Богдановы вернулись в СССР.

Однако русская речь не исчезла с улиц индийских городов. В Индии остались С. Н. Рерих, М. М. Нахман и другие русские эмигранты. Для того чтобы учить индийцев русскому языку, в Делийском университете был создан Русский отдел, главой которого стал В. А. Шибаяев, сотрудниками — А. К. Крыжов, архимандрит Андроник и др.

Начиная с 1950-х гг. сближение России и Индии пошло ускоренными темпами, с большим числом контактов и большей сердечностью, чем в царский период. «Посланцев Страны Советов» индийцы встречали «розами с неба». Русская диаспора в Индии продолжила свое существование в обновленном виде. Была продолжена традиция смешанных браков, самым знаменитым из которых стал семейный союз С. И. Аллилуевой, состоявшей в фактическом браке с индийским коммунистом Б. Сингхом. В рамках двухсторонних отношений в Индию приезжали советские инженеры, строители, артисты, ученые. С. Н. Рерих с радостью принимал гостей из Москвы — историка Р. Б. Рыбакова, писателя В. М. Сидорова и других, — следуя воле своего отца: «...для кого же мы... трудились? Неужели для чужих?.. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам»²⁶. В 1968 г. у С. Н. Рериха впервые побывает историк Л. В. Шапошникова, которая спустя два десятилетия станет директором Советского центра Рерихов и осуществит передачу художественного наследия и архивов легендарной семьи советскому народу.

Заключение. В Индии русские беженцы достигли более существенных результатов в духовном и культурном постижении приютившей их земли и ее сближении с Россией, чем в какой-либо другой стране Европы, Америки и Азии. Фактически эту работу выполнили несколько человек, и прежде всего семья Рерихов, но не только она. В 1960 г. Индра Деви была с визитом в СССР и имела беседу с членами советского правительства во главе с А. И. Микояном о пользе йоги для советских граждан. Беседа не имела практических результатов, но сам факт ее был важен. Индра Деви, так же как и Рерихи, сумела

²⁶ Рерих Н. К. Четверть века // Из литературного наследия. М., 1974. С. 245.

переступить через идеологические разногласия с советскими властями ради укрепления русско-индийской дружбы и продвижения индийской культуры на родине.

Труда этой «малой группы» оказалось достаточно для открытия Индии в России и России в Индии. В согласии с идеей о духовной общности стран-сестер они выстроили между ними прочный мост, завершив работу, начатую до революции, и передали эстафету следующему поколению русских людей, выросшему уже в СССР. «Индийский путь» стал восприниматься как знаковый, и неслучайно в годы «оттепели» в Институте философии АН СССР прозвучало противопоставление советскому тирану не кого-нибудь, а именно индийского царя Ашоки, принявшего буддизм и отказавшегося от насилия как метода власти²⁷.

В последующий период идеологема «Россия — Белая Индия» приобрела еще большее число поклонников. Волны индомании следовали в СССР одна за другой: «Дух мечты ничто не изменило, / И ничто, наверно, на земле / Нас с такою силой не манило, / Как манила Индия к себе. ... И уму неведомые дали / Млечный Путь соединял, светясь / Пусть не сразу мы, но угадали / Наших душ таинственную связь»²⁸. Но и после распада советской системы продолжает существовать мода на все индийское уже в Российской Федерации.

Литература

1. Бернштейн Л. Магда Нахман. Художник в изгнании. СПб.: Academic Studies Press, 2020. 352 с.
2. Волков С. В. Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. 619 с.
3. Померанц Г. С. О роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива // Грани. 1968. № 67. С. 134–143.
4. Росов В. А. Николай Рерих. Вестник Звенигорода: экспедиции Н. К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Кн. 2: Новая страна. М.: Ариаварга-Пресс, 2004. 304 с.
5. Цмыкал О. Е. Художественный мир Лариссы Андерсен: дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2021. 191 с.
6. Goldberg M. The goddess pose: the audacious life of Indra Devi, the woman who helped bring yoga to the West. New York: Alfred A. Knopf, 2015. 322 p.
7. Peissel M. Tiger for breakfast: the story of Boris of Kathmandu. New York: Dutton Collection, 1966. 282 p.

²⁷ Померанц Г. С. О роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива // Грани. 1968. № 67. С. 134–136, 139–143.

²⁸ Сидоров В. М. Голубые холмы Индостана // На пути Эволюции. Om Tat Sat. URL: <https://teosophia.com/index-38.html> (дата обращения: 25.07.2024).

References

1. Bernshtein L. Magda Nakhman. Khudozhnik v izgnanii [Magda Nachman. The artist in exile]. St. Petersburg: Academic Studies Press, 2020. 352 p. (In Russ.).
2. Volkov S. V. Ofitsery armeiskoi kavalerii: opyt martirologa [Officers of the army cavalry: the experience of a martyrologist]. Moscow: Russkii put', 2004. 619 p. (In Russ.).
3. Pomerants G. S. O roli npravstvennogo oblika lichnosti v zhizni istoricheskogo kollektiva [On the role of the moral character of a personality in the life of a historical collective] // Grani [Facets]. 1968. № 67. P. 134–143. (In Russ.).
4. Rosov V. A. Nikolai Rerikh. Vestnik Zvenigoroda: ekspeditsii N. K. Rerikha po okrainam pustyni Gobi. Kn. 2: Novaia strana [Nikolai Roerich. Bulletin of Zvenigorod: N. K. Roerich's expeditions to the outskirts of the Gobi Desert]. Moscow: Ariavarta-Press, 2004. 304 p. (In Russ.).
5. Tsmykal O. E. Khudozhestvennyi mir Larissy Andersen: dissertatsiia kandidata filologicheskikh nauk [The artistic world of Larissa Andersen: dissertation of the Candidate of Philological Sciences]. Blagoveshchensk, 2021. 191 p. (In Russ.).
6. Goldberg M. The goddess pose: the audacious life of Indra Devi, the woman who helped bring yoga to the West. New York: Alfred A. Knopf, 2015. 322 p.
7. Peissel M. Tiger for breakfast: the story of Boris of Kathmandu. New York: Dutton Collection, 1966. 282 p.